

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.4.136.141>

ДЕРЕВО В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УДМУРТОВ И ЕГО ОХРАНА

©2023 г. М.А. Михайлова

В статье рассматривается вопрос сакрализации образа дерева в дохристианских представлениях удмуртов, коренного финно-угорского народа, проживающего в междуречье Камы и Вятки (Удмуртская Республика, далее – УР). Приводится типология объектов поклонения из дерева или составных его частей. Определены следующие типы: капища, посвященные хозяевам Дикой Природы, священные рощи, Куала, ритуальные предметы, одиноко стоящие деревья. Рассмотрен вопрос охраны выделенных объектов культа: некоторые из них имеют статус объектов культурного наследия в качестве достопримечательных мест, территория других – совпадает с территорией памятников археологии, третьи – составляют музейные коллекции и находятся в государственной собственности, еще часть – сохраняет культовую роль и находится под контролем участников молений, которые поддерживают целостность памятника системами ограничений и табу. Отмечается также использование некоторых образов в качестве туристических и арт-объектов.

Ключевые слова: культурное наследие, охрана, культ дерева, моления, удмурты, священные рощи, дохристианские верования, памятник культуры.

A TREE IN THE SACRED SPACE OF THE UDMURTS AND ITS PROTECTION

M.A. Mikhailova

The article deals with the issue of sacralization of the tree image in the pre-Christian views of the Udmurts, the indigenous Finno-Ugric people, occupying the territory between the Kama and Vyatka rivers (the Republic of Udmurtia). The typology of objects of worship made of wood or its component parts is given. The following types are identified: temples, dedicated to the masters of Wild Nature, sacred groves, Kuala, ritual objects, lonely standing trees. The issue of protection of the revealed cult objects is considered: some of them have the status of cultural heritage sites as attractive places and monuments of archaeology, others form museum collections and are in state ownership, another part keeps a cult role and is under the control of prayer participants, who maintain the safety of the site with systems of restrictions and taboos. The use of some images as tourist and art objects is also noted.

Keywords: cultural heritage sites, protection, tree cult, prayers, the Udmurts, sacred groves, pre-Christian beliefs, cultural monument.

Удмурты – финно-угорский народ, проживающий на территории Камско-Вятского междуречья, значительная часть которого покрыта лесами. С давних времен, как целые лесные массивы, так и отдельные деревья, предметы из них, занимали особое положение в хозяйственно-повседневной и ритуально-символической жизни удмуртов.

Деревья и человек в картине мира удмуртов взаимно уподоблялись друг другу – деревья наделялись душой, особенной энергетикой, которой они могли делиться или, в некоторых случаях, поглощать, а каждый человек своими корнями, подобно дереву, связывался со своим родом (воршудом). В этом смысле любопытно обозначение генеалогических родов словом *выжсы*, этимологически связанным с поняти-

ем *выжсы* («корень; основание»). В вышедших в 1775 г. «Сочинениях, принадлежащих к грамматике вотского языка» отмечено как исходное, так и производное значение слова «выжи» – «корень» и «родной» (Чураков, 2013, с. 19). Символическое отождествление осуществлялось и по внешним признакам (ствол дерева – стан человека, ветви – руки (молодой сравнивается с кленом, сосной, пожилой – с засохшей елью), белые цветы черемухи сравниваются с поседевшей головой), и по этапам роста дерева, которые соотносились с жизненными циклами человека, его судьбой (Владыкина, Кириллова, 2017, с. 240). Поэтому неудивительно, что по представлениям удмуртов, человек мог обратиться в дерево, а дерево, в свою очередь, могло

выполнять замещающую функцию, символизируя человека во время его отсутствия (Шутова, 2011, с. 61).

Судя по археологическим и фольклорно-этнографическим данным, дерево также выступало последним прибежищем умершего – различные конструкции из досок, долбленные колоды, обертки из луба и бересты, перевязанные лыком, своеобразно превращали его в дерево (Шутова, 2011, с. 62). В деревьях, посаженных в изголовье могилы, умерший продолжал жизнь, поэтому глухие леса считались излюбленными местами обитания умерших душ. Проследить эту традицию удастся на позднеудмуртских памятниках археологии – «вужшаях» (могильниках второй половины XVII-XIX вв.).

Сложная система представлений отразилась в микропонимии, обрядовых действиях, материальной культуре. Образы мирового дерева – одни из любимых и самых любопытных орнаментов, использующихся в удмуртском декоративно-прикладном искусстве, особенно в вышивке и ткачестве (Васильева, 2012). Они украшают головные полотенца и покрывала (сюльки), рукава и плечи кафтанов, подола рубах (дэрем), пояса зар, а сам национальный костюм наглядно раскрывает представления удмуртов о трехчастной структуре мира, являясь своеобразной проекцией мирового дерева и лестницей, эти три мира связующей.

На данный момент удается обозначить несколько устоявшихся образов дерева, составляющих традиционную картину мира удмуртов. Среди них выделяются закрытые – с жесткой системой табуирования (капища, посвященные хозяевам Дикой Природы, священные рощи, деревянная Куала, деревянные ритуальные предметы), и открытые пространства – одиноко стоящие деревья.

Вопрос охраны подобных культовых объектов рассматривается неравномерно. Некоторые из памятников, такие как *капища, посвященные хозяевам Дикой Природы*, утратили роль культового места еще к первой половине XIX в., сохранив, однако, статус общественной святыни. Подобные изменения объясняются перемещением удмуртов на новые места в ходе христианизации и борьбы с традиционными обрядами и культурами (Культовые памятники..., 2004, с. 129). Капища представляли дохристианские святилища в виде небольших

полян в лесу, где перед священным деревом/деревьями, совершались моления в честь хозяина леса Нюлэсмурта – в северных районах, хозяина священной рощи Луда/Керемета – в южных районах. Там же располагалось кострище, стояли столик и скамейки (Шутова, 2011, с. 56). Интересны культовые памятники с центрами святилищ в истоке родника с близлежащими елями. Подобные места наделялись особой лечебной силой. Вероятно, усиливающийся эффект добивался за счет сосредоточения в месте сразу нескольких энергетически сильных частей Дикой Природы – Земли, Воды, Леса. На сегодняшний день выявление подобных капищ затруднительно.

Значимость других объектов культа – *деревянных обрядовых предметов* – казалась более очевидной, что определило их относительно раннее попадание в фонды музеев и постановку в статусе музейных предметов на государственный учет. Предметы из дерева являлись неременной принадлежностью семейно-родовых святилищ Великая куала и обрядовых действий при молениях. Среди них особой ценностью наделялся короб (воршуд) на священной деревянной полке (мудор). Образ *Мудора* (букв.: центр/край земли) – одна из основополагающих единиц в религиозно-мифологической картине мира удмуртов (Орлов, 1999, с. 2). «Этим понятием обозначалось главное дерево Великого Леса, растущее в его центре; очевидно, ему отводилась роль «мировой оси» (Владыкин, 1994, с. 69). В нем, по представлениям удмуртов, живет покровитель семьи-рода воршуд или вошшуд, как охраняющее счастье тех удмуртов, в куале которых оно пребывает (Ившин, 2018, с. 23). Здесь же, в куале, хранилась обрядовая посуда из бересты, дерева, принадлежащая определенному роду (семье) и считавшаяся принадлежностью куалы.

Производные от дерева, как правило, таили в себе ту же мощь и энергию, что и все дерево целиком. Отмечалась витальность деревянных предметов, их динамика. Интересно, что предметы эти не всегда являлись символическими – некоторые использовались и в практических целях, а знаковостью наделялись в момент совершения обряда, однако прикасаться к ним посторонние также не имели права. В таком случае важным становятся не только сакральный смысл и ритуальные символы объекта, но и следы проводившихся

обрядов, доказывающие подлинность и значимость предмета.

Интересен вопрос сохранения *священных роц* – поздней, но и единственной, дошедшей до нас, разновидности капищ. Они, располагались за пределами населенных пунктов, как правило, на возвышенном, покрытом лесом участке, вблизи водного источника. В священной роце у каждого молящегося удмурта было «свое» дерево, к которому он и обращался (Шутова, 2011, с. 58). Около толстых вековых деревьев (ели, липы, березы), игравших роль своеобразных центров святилища, стояли столы – жертвенные алтари, у которых жрецы читали молитвы в окружении всех участников обрядового действия.

Часть природных святилищ сохранила свою естественную целостность ввиду бережного отношения к ним населения, системы табуирования с ограниченным входом в культовое место и запретом выноса предметов вовне, разграничения пространства на «свое-чужое» (Шутова, 2011, с. 67). Благодаря ограничениям и контролю такие объекты культа, кроме своей культурно-исторической значимости и ритуальной памяти, являются также памятниками природы с богатым флористическим составом (Капитонов и др., 2002, с. 23). В то же время выделяются также священные роцы, частично или полностью утратившие свою культовую роль под антропогенным воздействием. К некоторым из них еще применима система ограничений, сохраняющая целостность памятников. Однако часть из них активно используется в хозяйственной деятельности, что связано, в первую очередь, с практикой организации больших площадей в советское время (Капитонов и др., 2002, с. 25).

В случае отсутствия деревьев на культовом месте функции сакрального центра выполняли пенек от погибшего священного дерева, свежесрезанные ветки, воткнутые в землю молодые срубленные деревца, специальные столбики. После христианизации во время молений к таким столбикам стали прикреплять христианскую икону, которую называли либо мудор, либо оброс (образ) (Шутова, 2011, с. 60). С течением времени на священных местах могло сохраниться лишь одно или несколько почитаемых деревьев.

Важной вехой в сохранении священных роц является возможность придания им

статуса объектов культурного наследия регионального значения в качестве достопримечательных мест (Федеральный закон № 73-ФЗ). Выявлением, постановкой на учёт и охранными обязательствами в этом случае занимается Агентство по государственной охране памятников и объектов культурного наследия Удмуртской Республики. Объектами культурного наследия становятся священные роцы, в которых подтверждается непрерывная традиция проведения молений. Однако эта традиция может быть весьма гибкой и адаптивной: при необходимости она способна сужаться до уровня отдельных семей и даже индивидов или, напротив, готова возрождаться до общенациональной в условиях этнической мобилизации (Перевозчиков, 2018, с. 145). На данный момент под охраной находится «Удмуртско-марийское священное место «Булда»/«Ильма чара» (Приказ № 032 от 16.02.2022 О включении выявленного объекта культурного наследия), марийские священные роцы «Агырман писте» (Приказ № 039 от 15.03.2021), «Торкан нер» (Приказ № 038 от 15.03.2021), «Юмылан пумаш» (Приказ № 037 от 15.03.2021). В числе выявленных объектов культурного наследия имеются также священные роцы, территории которых совпадают с границами памятников археологии: Варалинское («Булдавось») городище (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. №121), Кузебаевский («Вужшай») могильник (Приказ АОКН УР от 29.07.2022 г. №121) (www.aoknur.udmr.ru).

Несколько иначе обстоят дела с *одиноко растущими деревьями*. Магическими сверхъестественными силами, как правило, наделялись деревья, обладающие особыми природными качествами: имели толстые или искривленные стволы, могучую крону, признаки аномального развития в виде дупла, раздвоенной вершины или другие отличительные признаки; или противопоставленные всему лесу (Дикой Природе). Такие деревья наделялись явно космической функцией, так как, по поверьям, даже определяли поворот солнца на весну (Владыкин, 1994, с. 134). Подобные памятники сохранились практически в каждой деревне в качестве общественной святыни, но в несколько трансформировавшемся виде – проведение жертвенных ритуалов встречается редко, дерево зачастую выступает в качестве места силы. Ввиду открытого характера доступа такие памятники для моле-

ний становятся центрами притяжения туристов. Наиболее известные и крупные из них выделены в качестве туристических точек в проекте «ДаУр» – карте достопримечательностей Удмуртии: Чабишурская, Зилайская, Зуринская сосны. У таких деревьев наблюдаются стихийные обрядовые действия (подавания в виде монет, цветных лоскутов, танцы, индивидуальные прошения), что очень отдаленно напоминает традиционные ритуалы. Отмечается использование дерева в качестве современного арт-объекта (сосна в д. Большой Кияик).

Среди одиноких деревьев стоит отметить те, возле которых выбрасывались / привязывались все кости пожертвованных животных и птиц после проведения поминально-умиловительных обрядов – лы куян инты (место для выброса костей), или кур куян (место бросания лубка). Жертвенные приношения делались для того, чтобы в той жизни у умерших ни в чем не было недостатка (Садиков, 2004, с. 122). Подобные подаяния можно было видеть еще и в конце XX в. (Шутова, 2001, с. 122). Однако на данный момент такие памятники ввиду ослабления практики ритуалов и, вероятно, специфики почитания сохраняют практически номинальный статус общественной святыни. Как и с первой группой одиноких деревьев, существование памятников связано с легендами и историями, навешивающими страх и защищающими место от вандалов.

Интересен факт нахождения (до 2020 г.) в Игринском районе Удмуртии Чертового дерева (дерева, растущего корнями вверх). Такое дерево в удмуртской традиционной культуре выступало центром нижнего загробного мира, с сильной негативной энергетикой (Чиркова, 2010, с. 58). По поверьям одно из заданий процесса обучения на колдуна – влезть на дуб «вниз головой», что возможно лишь в случае, если последний растет в потустороннем мире, зеркально противопоставленном земному, корнями вверх (Шутова, 2011, с. 64). Старожилы Игринского района относились к дереву с опаской, считая, что оно притягивает несчастья и «питается» горем, однако это не помешало ему стать одной из самых популярных туристических точек в упомянутом выше проекте «ДаУр». В 2020 г. Чертовое дерево не выдержало погодных условий, что некоторые считают символичным, связывая с подаяния-

ми и интересом туристов.

Напротив, закрытым сакральным пространством является *особое деревянное здание быдзым куала (родовая) и покчи куала (семейная)* (Ившин, 2018, с. 23). Куала – бревенчатое четырехугольное строение без фундамента, окон и потолка, с одно- или двускатной крышей, пол в нем заменяла плотно утоптанная земля; в центре располагался обложенный камнями очаг (Шутова, 2011, с. 59). Здание известно многим финно-угорским народам, однако в качестве своеобразного храма для моления используется только у удмуртов. После разрушения деревянного строения Великой куалы люди могли продолжить посещать это место и совершать моления возле растущего на этом месте дерева (Шутова, 2011, с. 59).

Сохранившиеся памятники испытали на себе все указанные ниже формы охраны: примеры родовой и семейной куалы можно наблюдать в архитектурно-этнографическом музее-заповеднике «Лудорвай» (достопримечательное место, объект культурного наследия регионального значения), имеются единичные случаи использования родовой куалы по настоящее время (в качестве части священной рощи) в ритуально-обрядовых действиях (д. Кузобаево Алнашского р-на УР, д. Варклед-Бодья Агрызского р-на Республики Татарстан), есть примеры включения памятника в перечень выявленных объектов культурного наследия в качестве достопримечательного места, памятника истории (Общедеревенское святилище верхнечепецких удмуртов Порвайская Великая (Быдзым) куала в Игринском районе (Приказ АОКН УР от 16.09.2022 г. №159), некоторые не используемые родовые здания также стали туристическими точками (д. Нижний Вишур Можгинского р-на УР). Семейная куала зачастую используется в качестве хозяйственной постройки и утратила свою знаковость.

В целом, дерево в картине мира удмуртов играло особую, очень важную роль. Удивительным образом предметы из дерева сочетали в себе как практическую функциональность, так и обрядовую знаковость. Близость удмуртов с лесом определила тесные взаимоотношения: человек сопоставлялся с деревом, что проявлялось как внешне (в традиционном костюме и материальной культуре), так и внутренне, что представляется возможным проследить

в системе родовых (воршудных) отношений; дерево же считалось продолжением и истоком жизни человека одновременно – оно хранило в себе память о предках (истоке, корнях), сохраняя родовую историю, и именно к нему возвращалась душа усопшего в конце жизни. Человек и дерево представлялись в картине удмуртов единым целым, временно пребывающим в разных ипостасях, однако все так же имеющим одну судьбу.

В вопросе же сохранения культовых образов дерева на первый план выступают отношения человека с объектом культа. Отсут-

ствие ритуальной практики и священного статуса в памяти населения делает некогда сакральное место практически невозможным для выявления. В таком случае священные места могут выступать природными памятниками (священные рощи, капища), памятниками археологии (кладбища в лесах), не являясь в полной мере объектами культа. На данный момент действующие сакральные места находятся под общественной или государственной охраной, но, пожалуй, более результативным вариантом является их сочетание.

ЛИТЕРАТУРА

Агентство по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики. URL: <https://www.aoknur.udmr.ru/> (Дата обращения 10.08.2023)

Васильева Е.Н. Семантика удмуртского декоративно-прикладного искусства и её связь с мифо-религиозным комплексом. 2012. URL: <https://religious-life.ru/2012/02/vasileva-semantic-udmurtskogo-dekorativno-prikladnogo-iskusstva/> (дата обращения: 22.03.2022).

Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Владыкина Т.Г., Кириллова Л.Е. «Именные деревья» (нимтуло писпу) в микропонимии удмуртов // Научный диалог. № 2017. 11. С. 232–246. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246.

Ившин Л.М. Названия культовых предметов Куалы в памятниках ранней удмуртской письменности // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 3. С. 22–29.

Капитонов В.И., Капитонова О.А., Лебедева С.Х., Перевозчиков А.А. Современное состояние священных рощ на территории Удмуртии // Гуманитарный экологический журнал. 2002. Т. 4. № 5. С. 21–27.

Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования / Отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 228 с.

Орлов П.А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры). Дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 1999. 260 с.

Перевозчиков Ю.А. К проблеме государственной охраны священных рощ финно-угорских народов в Удмуртии: этнологические аспекты // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 1. С. 141–153.

Садиков Р.Р. Святилища закамских удмуртов: общая характеристика и типология // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования / Отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 119–123.

Федеральный закон № 73-ФЗ. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов российской федерации. Принят Государственной Думой 24 мая 2002 года, одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 года. М.: Проспект; СПб: Кодекс, 2002. 103 с.

Чиркова Е.Ю. Чёртово дерево как сакральный объект северных удмуртов // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия. Материалы международной научной конференции, Ижевск, 25-27 ноября 2010 г. / Отв. ред. Д.И. Черашняя. Ижевск: УдГУ, 2010. С. 57–60.

Чураков В.С. К проблеме определения времени жизни основателей старейших удмуртских родов – выжы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 58. № 36 (327). С. 19–24.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.+ вкл.

Шутова Н.И. Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 56–71.

Информация об авторе:

Михайлова Марина Алексеевна, научный сотрудник научно-просветительского отдела, Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай» (г. Ижевск, Россия); marisha.mixajlova10@gmail.com

REFERENCES

Agentstvo po gosudarstvennoy okhrane ob"ektov kul'turnogo naslediya Udmurtskoy Respubliki (Agency for state protection of cultural heritage objects of the Udmurt Republic). Available at: <https://www.aoknur.udmr.ru/> (accessed: 10.08.2023) (in Russian).

Vasilyeva, E. N. 2012. *Semantika udmurtskogo dekorativno-prikladnogo iskusstva i ee svyaz' s mifo-religioznym kompleksom (Semantics of the Udmurt decorative and applied art and its connection with the mytho-religious complex)*. Available at: <https://religious-life.ru/2012/02/vasileva-semantika-udmurt-skogo-dekorativno-prikladnogo-iskusstva/> (accessed: 22.03.2022) (in Russian).

Vladykin, V. E. 1994. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov (Religious and mythological picture of the world of the Udmurts)*. Izhevsk: "Udmurtia" Publ. (in Russian).

Vladykina, T. G., Kirillova, L. E. 2017. *Nauchnyy dialog (Nauchnyi dialog)* (11), 232–246 DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246. (in Russian)

Ivshin, L. M. 2018. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy (Yearbook of Finno-Ugric Studies)* 12 (3), 22–29 (in Russian).

Kapitonov, V. I., Kapitonova, O. A., Lebedeva, S. Kh., Perevoshchikov, A. A. 2002. In *Gumanitarnyy ekologicheskiy zhurnal (Humanitarian Ecological Journal)* Vol. 4, no. S, 21–27 (in Russian).

In Shutova, N. I. (ed.). 2004. *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Monuments of the Kama-Vyatka Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Orlov, P. A. 1999. *Veshchnyy mir udmurtov (k semantike material'noy kul'tury) (The Material world of the Udmurts (to the semantics of material culture))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Perevozchikov, Yu. A. 2018. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy (Yearbook of Finno-Ugric Studies)* 12 (1), 141–153 (in Russian).

Sadikov, R. R. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Monuments of the Kama-Vyatka Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 119–123 (in Russian).

Federal'nyy zakon № 73-FZ. Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy federatsii. Prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 24 maya 2002 goda, odobren Sovetom Federatsii 14 iyunya 2002 goda (Federal Law No. 73-FZ. About objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation. Adopted by the State Duma on May 24, 2002, approved by the Federation Council on June 14, 2002). Moscow: "Prospect" Publ.; Saint Petersburg: "Codex" Publ. (in Russian).

Chirkova, E. Yu. 2010. In Cherashnyaya, D. I. (ed.). *Etnogenez udmurtskogo naroda. Etnos. Yazyk. Kul'tura. Religiya (Ethnic genesis of the Udmurts. Ethnicity. Language. Culture. Religion)*. Izhevsk: Udmurt State University, 57–60 (in Russian).

Churakov, V. S. 2013. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 58, no. 36 (327), 19–24 (in Russian).

Shutova, N. I. 2001. *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii (Pre-Christian Cult Monuments of the Udmurt Religious Tradition)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shutova, N. I. 2011. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy (Yearbook of Finno-Ugric Studies)* (2), 56–71 (in Russian).

About the Author:

Mikhailova Marina A. Researcher of the Scientific and Educational Department, Architectural and Ethnographic Museum-Reserve "Ludorvay". Pastukhov, str., 13, Izhevsk, 426057, Udmurt Republic, Russian Federation; marisha.mixajlova10@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.06.2023 г.
Статья принята к публикации 01.08.2023 г.